

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 13

2019

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Редакционная коллегия

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

К.И. Бринева, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет, Алтайское краевое законодательное собрание

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
<i>Н. С. Громова</i> ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕРМИН В ПРАВОВОМ ПОЛЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ	5
Юридическая техника	
<i>Н. В. Тыдыкова</i> ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНА «БЕСПОМОЩНОЕ СОСТОЯНИЕ» В УК РФ	10
Лингвоэкспертология	
<i>Н. В. Гераскевич</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СОВРЕМЕННОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА ИЗ СЕТИ ИНТЕРНЕТ	14
<i>Е. А. Жданова</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК СУДЕБНОГО АВТОРОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЬМЕННОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИИ)	18

CONTENTS

Legal Language	
<i>N. S. Gromova</i> LEGAL TERM IN THE LEGAL FIELD AND BEYOND	5
Legal Technique	
<i>N. V. Tydykova</i> PROBLEMS WITH THE CONTENT OF THE TERM "HELPLESS STATE" IN CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION	10
Linguistics expertology	
<i>N. V. Geraskevich</i> LINGUISTIC EXPERTISE OF MODERN INTERNET ADVERTISING COPY	14
<i>E. A. Zhdanova</i> THEORETICAL BASES OF DIAGNOSTIC METHODS OF FORENSIC AUTHORSHIP (ON THE MATERIAL OF WRITTEN INTERPERSONAL ELECTRONIC COMMUNICATION)	18

Юридический термин в правовом поле и за его пределами

Н. С. Громова

Уральский государственный экономический университет
ул. 8 Марта, д. 62, 620144, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: gromovans@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы бытования юридических терминов в границах правового поля и за пределами языка права. Выявляется разница между терминами различных профессиональных сфер, устанавливается специфика терминологии общественных наук как средства редукции не только профессионального, но и социального знания. Юридический термин исследуется как один из видов специальных лексических средств, имеющих целый ряд дополнительных функций, актуализированных под воздействием специфики правоотношений. Устанавливаются особенности функциональной специфики юридического термина как на уровне синхронного взаимодействия субъектов правоотношений, что обеспечивает значимость регулятивной функции правовых терминов, производной от регулятивной и охранительной функций права, так и на уровне диахронного воздействия, когда актуализируется аксиологическая функция. Выявляются и анализируются особенности различных видов юридических терминов: общеупотребительных, специально-технических, специально-юридических. Также отмечается, что в условиях развития современного общества наблюдается широкое распространение юридических терминов благодаря включенности их в медиaprостранство за пределами правового поля, что часто не приводит к росту правосознания граждан и, наоборот, провоцирует (с учетом ложной мотивации в сознании носителей языка) смешение семантики общеупотребительных слов и терминов, модифицируя первичные смыслы в новом дискурсе. Дискурс, в котором оказываются общеупотребительные и специально-технические юридические термины, во многом подчиняет их своим законам и преобразует в сознании носителей, трансформируя их вплоть до противоположного понимания. Использование юридических терминов за пределами правового поля должно быть подчинено логике их правового бытования, а не закономерностям функционирования нового дискурса.

Ключевые слова: термин, юридический термин, дискурс, язык права.

Legal term in the legal environment and beyond

N. S. Gromova

Ural State University of Economics
8 Marta St. 62, Ekaterinburg, Russia. E-mail: gromovans@mail.ru

The article considers the existence of legal terms within the legal environment and outside the language of law. The difference between the terms of various professional spheres is revealed, the specificity of the terminology of the social sciences is established as a means of reducing not only professional, but also social knowledge. The legal term is studied as one of the types of special lexical means having a number of additional functions, foregrounded under the influence of the specifics of legal relations. The features of the functional specificity of the legal term are established both at the level of synchronous interaction of subjects of legal relations, which ensures the significance of the regulatory function of legal terms, derived from the regulatory and protective functions of law, and at the level of diachronous impact, when the axiological function is updated. The features of various types of legal terms are identified and analyzed: common, special technical, special legal. It is also noted that in the conditions of the development of modern society, legal terms are widely spread due to their inclusion in the media outside the legal environment. This often does not lead to an increase in the legal awareness of citizens and, on the contrary, provokes, given the false motivation in the minds of native speakers, the mixing of the semantics of common words and terms, modifying primary meanings in a new discourse. The discourse, in which there are commonly used and special technical legal terms, largely subordinates them to its laws and transforms them in the minds of speakers, leaving them the opposite understanding. The use of legal terms outside the legal environment should be subject to the logic of their legal existence not to the laws governing the functioning of the new discourse.

Key words: term, legal term, discourse, language of law.

Современные общественные отношения базируются на устойчивых нормах, которые формируют основы правоотношений, репрезентуясь посредством нормативно-правовых актов. С помощью таких актов устанавливаются, изменяются или отменяются нормы права, а следовательно, меняется правовое пространство. К подобным актам предъявляются жесткие требования как с содержательной, так и с формальной сторон. В связи с этим язык нормативно-правовых актов имеет свои особенности, а лексические единицы, используемые для выражения воли правотворцев, реализуют комплексные – нормативно-стилистические задачи. С одной стороны, автор указывает на принадлежность предписаний к определенному стилю (официально-деловому), отнесенность описываемого факта, события, предмета и т. д. к особой сфере бытования (правовой), с другой же – формирует понятийный аппарат для дальнейшей правоприменительной деятельности, т. е. с конкретной практической целью, напрямую связанной с осуществлением функций государства. Так, слова, включенные в структуру НПА, приобретают особый статус – статус специальной терминологии.

Утверждение о значимости этих слов в рамках основной сферы их бытования не вызывает сомнений: прежде чем ввести термин в правовой оборот законодатель должен максимально обработать его, сформировать дефиницию и обеспечить адекватную корреляцию с другими элементами терминосистемы. Однако проблема бытования термина после его вхождения «в оборот» является весьма актуальной, т. к. зависит уже не только от воли законодателя, но и от общественных интересов и внешних факторов воздействия как на саму лексему, так и на правовые отношения в целом.

В данной работе представлена попытка выявить особенности юридических терминов как особой группы специальной лексики и исследовать особенности их трансформации за пределами правового контекста. С этой целью были проанализированы справочные (43 словаря, включая печатные и интернет-издания) и аналитические (более 100 научных работ различной направленности) материалы, а также устойчивые контексты употребления юридических терминов в массовой коммуникации. В рамках эмпирической стороны рассмотрения вопроса был проведен ряд экспериментов, позволяющих выявить некоторые проблемы функционирования юридических терминов в среде обывателей. Таким образом, получилось структурировать информацию относительно содержания и места терминов в поле профессионального и общебытового языка и систематизировать взаимосвязи между единицами языка права и иными лексемами.

Термин является частью специальной лексики, которая номинирует «предметы и понятия, относящиеся к различным сферам трудовой деятельности человека» [Розенталь 1976]. Однако в отличие от профессионализмов термин имеет официальный статус специальной единицы, фиксируется как часть специальной системы знаний и признается в качестве эталонной формы широким кругом носителей этих знаний. Если использовать характеристику Л. И. Рахмановой и В. Н. Суздальцевой [Рахманова 1997], то можно сказать, что все занятия субъекта, которые имеют необходимость вступать в юридические отношения с государством, обеспечиваются терминами, остальные – могут ограничиться профессионализмами. Юридические термины по структуре могут представлять собой как простые (однокомпонентные), так и сложные (многокомпонентные). Например, к однокомпонентным можно отнести такие, как *экстремизм*, *конституция*, *правоотношение* и др. К многокомпонентным соответственно – *экстремистские материалы*, *конституционное право*, *абсолютное правоотношение*, *права и свободы человека и гражданина* и т. д.

В словарных статьях Н. В. Васильевой, размещенных в словарях под редакцией В. Н. Ярцевой и Ю. Н. Караулова, пять особенностей термина указываются в качестве основных: 1) системность; 2) наличие дефиниции (для большинства); 3) тенденции к моносемичности в пределах своего терминологического поля; 4) отсутствие экспрессии; 5) стилистическая нейтральность. Соответствие всем этим качественным показателям и их перманентная ретранслируемость в процессе функционирования лексемы указывают на то, что перед нами термин. Юридические термины в силу специфики их функциональной сферы обладают всеми этими характеристиками. Если термин в процессе своего бытования утрачивает указанные признаки, то, как правило, он перестает быть и частью правового терминопоя.

Термин является частью профессионального языка, в нашем случае, когда речь идет о юридических терминах, языка права. Язык нормативно-правовых актов, в частности, законов, чаще не определяют как специальный язык, а считают «разновидностью литературного языка», который «принадлежит к официально-деловому стилю» [Земляная 2010]. При этом многие ученые все пристальнее в последние годы обращают внимание на сферу юридической коммуникации и справедливо отмечают существование особого «юридического подъязыка», где «в наиболее концентрированном виде правовое знание содержится в системе словесных обозначений нормативно-правовых понятий, иными словами, в терминологии» [Барабаш 2015: 40].

Специфика юридического термина по отношению к другим видам специальной лексики может быть выявлена на различных уровнях в процессе анализа функций права. Так, на уровне синхронного взаимодействия субъектов правоотношений можно говорить об актуализации регулятивной функции правовых терминов, производной от регулятивной функции права, поскольку закрепление и упорядочивание общественных отношений невозможно без закрепления качественных характеристик этих отношений в терминологии и ее упорядочения. Номинирование запрещенных вариантов поведения в юридических нормах способствует реализации и охранительной функции права. Можно говорить и об организационно-регламентирующей функции, т. к. без четкого терминологического разграничения задач и функций участников правоотношений, их прав и обязанностей невозможно фактически призвать их к ответственности. Также представлена предписывающая функция, поскольку невозможно инотолкование юридического термина: государственная воля выражается максимально конкретно, предписывая всем субъектам правоотношений определенные границы поведения и задавая эти границы для самого правоотношения во всех его модусах. Нормативно-правовой акт в этом смысле выступает как совокупность юридических терминов не как набор лингвистических единиц, а как список конкретных физических или эмоциональных правомерных или неправомерных действий. Рассматривая «экстремизм» как юридический термин, мы имеем дело не с нарицательным неодушевленным именем существительным мужского рода и 2-ого склонения, а с видом противоправной деятельности, предполагающей совершение определенных деяний, за которые предусмотрен конкретный вид ответственности. Слово при этом из разряда номинативной единицы переходит в нормативную. В работе Ю. Е. Костериной и Л. К. Кондратюковой термин как отдельная категория противопоставляется всем иным «ненормативным» средствам речи специалиста (профессионализмам, окказионализмам и др.) [Костерина 2014: 133], что представляется весьма оправданным, т. к. именно нормативный характер термина отличает его от всех остальных лексических единиц в процессе профессионального общения «сведущих лиц».

На уровне диахронного влияния стоит отметить целый набор аксиологических функций, переводящих слово из нормативной единицы в ценностную. Парадокс состоит в том, что несмотря на нейтральную оценочность самого термина, являющуюся условием создания юридической дефиниции, он получает статус сентенции, т. к. с его помощью законодатель транслирует свое положительное или отрицательное мнение о факте действительности. При этом выражение этой оценки можно считать эксплицитным: автор в тексте закона прямо и открыто заявляет свою позицию в отношении конкретного юридического факта. Например, существует список отягчающих и смягчающих вину обстоятельств.

Таким образом, интерпретационная функция юридического термина бинарна: адресант (автор НПА) проводит свою

интерпретацию окружающей действительности и кодирует знание и отношение к ней в виде дефиниции, а адресат (пользователь НПА) получает готовые знания и отношения, встраивает их в свою ценностную систему и уже на основе этого конструирует свое представление об окружающей действительности. Предписания, облаченные в языковую форму, помещаются в необходимый контекст, в зависимости от которого будут трактоваться всеми участниками правоотношений. Законодательное определение в процессе языковой обработки формирует саму «суть юридического понятия, устанавливаются потенциальные возможности и границы действий, связанных с реализацией юридических норм, обусловленных его (понятия) существованием» [Турагин 2006: 43]. Так, языковые единицы постепенно становятся юридическими маркерами. В работе «Язык и право» Т. В. Губаева пишет, что «ключевые слова в языке права – это всегда "сигналы", определяющие юридические мировоззрения, выражающие духовно-нравственные идеалы общества и моральные принципы, осознанные человеческим разумом и воспринятые данной правовой системой» [Губаева 2003: 17-18].

При этом нельзя не заметить, что статус разных терминов не одинаков. В рамках закрытых терминосистем, свойственных естественным или точным наукам, термин дольше сохраняет свою изоляцию от общеупотребительной лексики и сам статус термина. В отношении же общественных наук наблюдается иная тенденция: пропаганда знаний по социально значимым вопросам является обязательным условием повышения общего уровня развития населения и его гражданской активности, что приводит к широкому использованию терминологии как средства популяризации знаний с неизбежным нарушением границ между лексикой, являющейся частью закрытой системы, и общеупотребительной. Для юридической терминологии можно выделить и ряд специальных функций, которые не присущи терминологическим единицам иных профессиональных сфер, они во многом определяются спецификой бинарности отношений между общебытовым языком и юридической терминологией, поскольку первый представляет собой не только базу формирования второй, но и выступает объектом ее применения. И, в связи с тем, что одной из важных функций термина является редукции знания, т. е. выражение концентрированного суждения об объекте, субъекте или их характеристиках, особенности содержательного наполнения каждой лексемы, ее дискурсивная привязка выходят на первый план. Знания сворачиваются в процессе создания термина, переходя от объемного развернутого повествования к краткой четкой формуле, в которой каждый структурный элемент представляется сложным и разложимым на иные простые элементы, т. к. аккумулирует большое количество информации разного рода: как специальной, так и социально детерминированной. Если мы говорим о терминах общественных наук, то объем второго рода информационного наполнения становится во многом определяющим. В частности, юридический термин создается не только для нужд государства, но и для нужд каждого человека, а следовательно, каждый так или иначе сталкивается с этой лексикой и она не может быть отделена от социума. К юридической терминологии обращаются не только специалисты, но и обычные граждане, не имеющие специальных знаний по вопросам интерпретации содержания термина и руководствующиеся собственными представлениями о его характеристиках на базе уровня владения русским литературным языком. Дело в том, что юридическая терминосистема представляется частью лексикона практически любого лица, поскольку обращена к социально значимым сторонам жизни человека, с которыми он постоянно сталкивается в быту, в профессиональной деятельности, при межличностном и межгрупповом взаимодействии.

Создание правовых норм является важной частью регулирования общественных процессов, поэтому с включением в текст правового акта языковой единицы она перестает быть частью только лингвистического пространства и приобретает статус нормативной дефиниции, определяющей специфику дальнейшего бытования формируемого термина. При этом сфера бытования определяет и особое внимание к качественным показателям термина. Если один лингвист будет использовать одну терминологию для обозначения языковых явлений, а другой – иную, то это не нанесет ущерба обществу в целом. Но в случае таких терминологических разногласий между судьями, когда в разных судах одни и те же преступления будут именоваться по-разному или одно правонарушение будет квалифицироваться как разные виды действий, правовая система не будет работоспособной, а следовательно, пострадает общество. Именно поэтому единообразие и кодифицированность юридической лексики обеспечивают реализацию ее нормативности и, как следствие, нормотворческой функции. Хотя, конечно, нельзя не заметить, что на практике наблюдается и целый ряд отклонений от указанных правил.

Так, в диссертационном исследовании Н. Ю. Мартышко, анализируя состояние современной юридической терминологии и законодательного дискурса в целом, выявляет из 265 единиц 34 % потенциально манипулятивных формулировок, направленных на введение в заблуждение правоприменителя. Автор обращает внимание на существование «тупиковых формулировок», которые близки к манипулятивным терминам, но по сути не являются ими, т. к. вместо расшифровки содержания единицы уведут правоприменителя к другим правовым актам, в которых тоже нет детализации содержания [Мартышко 2015].

Есть и другая проблема, на которой акцентирует внимание В. М. Лейчик, когда с помощью термина можно сознательно дезинформировать оппонентов, т. е. использовать ложномотивированный вариант (например, социальное партнерство вместо наемный труд). При этом такой выбор может быть следствием как неумелого использования специальной лексики или ошибочной семантизации, так и продуманной манипулятивной стратегии. Или, как отмечает Д. Милославская, нечеткое разграничение многозначности в терминологическом поле включает две группы: «примеры "сознательного введения в заблуждение читателя" и примеры "бескорыстной небрежности"» [Милославская 1999].

Особенностью многих юридических терминов на данный момент является их размытый характер. Изначально можно предположить, что хотя бы ключевые термины с учетом построения структуры НПА должны иметь разъяснение в дефиниционной части содержания акта, однако это не всегда реализуется на практике.

Обратимся к анализу Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Данный акт является отраслевым и теоретически должен содержать обширную дефиниционную часть либо с постатейным разъяснением, либо в виде группы терминов в начале акта. В данной ситуации не применяется принцип постатейной трактовки терминов (как, например, в УК РФ), поэтому в акте имеется серия дефиниций в начале документа, что в последние годы становится более ретранслируемой формулой в тексте законов (например, ст. 2 ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» или ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму»). Однако к основным понятиям в анализируемом акте отнесено только 4, именно их законодатель определяет в качестве нормативных и дает им определения: *экстремистская деятельность (экстремизм), экстремистская организация, экстремистские материалы, символика экстремистской организации*. При этом первый и основной термин, от понимания которого зависит интерпретация самого вида деятельности, имеет довольно расплывчатый характер и противоречит основным требованиям к построению терминологической дефиниции – фиксированный смысл отсутствует, что порождает множественность трактовок и свободу интерпретации самого явления, более или менее ясным становится пространственный список проявлений этой деятельности, включающий 257 слов.

В данном случае мы имеем дело с дефиницией-перечнем, иначе называемой «казуальным перечнем», которые «в строго логическом смысле ... определениями не являются – они просто используются вместо определений, так как в той или иной степени раскрывают содержание нормативного понятия» [Леоненко 2015]. В отличие от классических дефиниций (полных или неполных), где присутствует комплекс родовых или только ряд видовых признаков, но все же представлен набор этих признаков, данная дефиниция является простым способом характеристики, т. к. содержит перечень деяний, относимых к рассматриваемой категории правонарушений. Во многом такой принцип трактовки связан с недостаточной разработанностью термина и отсутствием вследствие этого обоснованной возможности его толкования через выделение признаков. Иллюстративность такой дефиниции приводит к громоздкости структуры и сужению границ термина до пределов указанных форм поведения, в этом случае каждая новая форма поведения будет считаться правовой вплоть до включения ее непосредственно в текст закона и исключения, тем самым, из группы нормативного поведения. Именно это, на наш взгляд, в дальнейшем становится причиной семантических модификаций термина при смене дискурса.

Такая ситуация во многом связана не столько с волей законодателя, сколько с особенностями самого термина. Принято делить юридические термины на три разновидности [Юридический энциклопедический словарь 2016]: общеупотребительные, отражающие область неспециальных знаний (например, *закон, договор, гражданин*); специально-технические, отражающие область специальных знаний, необходимых для организации как профессиональной, так и непрофессиональной коммуникации в пределах одной сферы (*образование, здравоохранение, сельское хозяйство*); специально-юридические, отражающие область узкоспециальных знаний и обладающие особым правовым содержанием в процессе профессиональной коммуникации (например, *объективное вменение, принцип вины, рецидив преступлений*).

В результате содержательного анализа и ряда лингвистических экспериментов можем заметить, что третья группа терминов, очевидно, в силу их ограниченного употребления за пределами юридического дискурса, редко подвергается трансформациям в новом лексическом окружении: неспециалист либо знаком со словом в исконном значении, либо не знаком и не стремится его идентифицировать и трансформировать. В связи с этим данная группа терминов чаще всего даже при смене дискурса сохраняет свое исходное юридическое значение, однако стоит отметить, что такие слова редко покидают свой привычный «ареал обитания» и долгое время идентифицируются носителями языка как специализированная лексика. При этом могут быть и исключения. Так, достаточно специализированный термин *декриминализация* стал практически общеупотребительным в связи с изменениями в антиэкстремистском законодательстве, инициированными Президентом РФ и широко обсуждаемыми в кругах не-юристов в силу общественной актуальности вопроса. Первые же две группы часто выступают материалом для формирования новых значений за пределами терминосистемы, которые могут иметь различный статус.

Выходя за границы своего «ареала обитания», термин приобретает новые связи за пределами терминосистемы и самого первичного дискурса, что влияет на его содержание, а также теряет и дискурсивную привязку, обеспечивающую ему нормативный статус. С потерей своего особого статуса юридический термин лишается и своего ключевого признака – правовой предзаданности содержания, теперь каждый может конструировать его под себя, с учетом собственного мировосприятия. Этот факт может иметь два последствия: потеря словом статуса термина при условии разрыва связи с терминосистемой (например, слова *кляуза, каторга, кабала* не имеют на данный момент актуального юридического значения, зато сохранились в общеупотребительной речи в качестве эмоциональной окраски лексем) либо, при сохранении этой связи, одновременное бытование в разных дискурсах с различным семантическим наполнением. Например, можно обратиться к категории слов, которые рассматриваются в исследовании Н. Г. Сичинавы – *законный и преступный*. Первое в юридической терминологии представлено в значении «соответствующий закону, основанный на законе», «юридически оформленный», а в общеупотребительной речи – «справедливый, правильный, обоснованный». Второе имеет аналогичные коннотации: в праве характеризуется как «являющийся преступлением, содержащий в себе преступление», а в общем употреблении – «непозволительный, заслуживающий осуждения» [Сичинава 2012].

Одновременно с этим происходит согласование правовых и наивных обывательских представлений о значении правовых терминов. Дефиниция в этом случае выступает звеном в познавательной цепочке, и имеет значение процесс перевода характеристик должного поведения из юридического дискурса (в значении — правовое) в обывательский дискурс (в значении — правильное). Правовое определение при этом можно рассматривать в качестве маркера, определяющего процесс интерпретации явлений окружающего объективного мира. А следовательно, оценка зависит не от его объективных характеристик, а от отношения субъекта к самой сфере изначального бытования термина. Так, многие юридические термины, будучи изначально нейтральными, переосмысляются носителями языка как оценочно маркированные в силу, например, идеологической позиции. Например, слова *либерал, националист* имеют в сознании носителей различных политических групп совершенно противоположную оценку: от одобрительно положительной до резко отрицательной. Следовательно, первой тенденцией, о которой можно говорить в отношении трансформации юридического термина в связи со сменой дискурса, является прямая зависимость значения лексемы от правовой позиции субъекта, когда в качестве имеющих оценочную окраску выступают, казалось бы, совершенно нейтральные в литературном языке единицы.

Второе направление, определяющее часть проблем с применением и интерпретацией юридической терминологии, связано с выбором из естественного языка мотивирующей лексемы при конструировании термина. Проблему представляют лексемы, имеющие изначально затемненное значение либо смежное или полисемичное с иными лексемами. Например, как показывают результаты опросов, проведенных автором в образовательных учреждениях г. Екатеринбурга среди студентов, сложность представляет проведение границ между такими единицами, как *символика* и *атрибутика*, *пропаганда* и *агитация*, или необходимость сформулировать четкую категорию *гласности, социальной группы, публичного демонстрирования* и пр.

Третьей тенденцией является процесс переосмысления термина под влиянием актуализации отдельных реалий в сознании носителей языка различных возрастных групп. Так, по результатам опросов, проводимых автором в образовательных учреждениях г. Екатеринбурга и Свердловской области среди студентов с 2014 года по настоящий момент, серьезную сложность представляет интерпретация термина экстремизм: значительная часть опрошиваемых не видит разницы между *экстремистами* и *экстремалами*. При этом, если в 2014-15 гг. процент лиц, которые давали ложную интерпретацию, был ниже 10% от общего количества опрошиваемых, то в 2018-19 гг. он стремительно растет, достигая в отдельных образовательных группах до 50% респондентов, включая и студентов-юристов первых курсов.

Таким образом, можем отметить, что юридический термин, имея особый статус в силу реализации нормативной функции, тем не менее, активно вступает во взаимоотношения с лексическими единицами за пределами терминосистемы. Границы лексического правового поля становятся все более проницаемыми с развитием институтов гражданского общества и ростом правосознания. Интерес населения к вопросам правового значения свидетельствует о необходимости разгерметизации юридической терминосистемы. Однако

нельзя не отметить, что в условиях развития современного общества широкое распространение юридических терминов благодаря включенности их в медиапространство часто не приводит к росту правосознания граждан и, наоборот, провоцирует с учетом ложной мотивации в сознании носителей языка смешение семантики общеупотребительных слов и терминов, модифицируя первичные смыслы в новом дискурсе. Дискурс, в котором оказываются общеупотребительные и специально-технические юридические термины, во многом подчиняет их своим законам и преобразует в сознании носителей, трансформируя их вплоть до противоположного понимания. В силу затемненности внутренней формы для обывателя, не знакомого с исконной семантикой, значение термина выводится им по аналогии, что приводит к смешению паронимов, неправильной актуализации полисемии и пр. Ввиду этого хочется отметить, что использование юридических терминов за пределами правового поля должно быть подчинено логике их правового бытования, а не закономерностям функционирования нового дискурса.

Литература

- Барабаш О. В. Разграничение омонимии и полисемии юридических терминов / Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. 2015. № 2. С. 39-49.
- Губаева Т. В. Язык и право. М., 2003.
- Земляная Т. Б., Павлычева О. Н. Использование терминологии в правотворчестве / Журнал научно-педагогической информации. 2010. № 10. URL: <http://www.paedagogia.ru/2010/47-10/110-zemlyanayapavlicheva>.
- Костерина Ю. Е., Кондратьюкова Л. К. Критерии и принципы отбора терминов / Омский научный вестник. 2014. № 1 (125) С. 133-137.
- Леоненко Н. Т. Законодательная техника. Новосибирск, 2015.
- Мартышко Н. Ю. Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Волгоград, 2015.
- Милославская Д. Юридические термины и их интерпретация / РЭГ. № 21 [27]. 1999.
- Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. М., 1997.
- Сичинава Н. Г. Переносное употребление юридических терминов в общелитературном языке / Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. 2012.
- Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Изд. 2-е. М., 1976.
- Туранин В. Ю. Сущность и значение дефиниции в современном законодательном тексте / Современное право. 2006. № 5. С. 43-48.
- Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. В. Малько. 2-е изд. Москва, 2016.

References

- Barabash, O. V. (2015). Differentiation of homonymy and polysemy of legal terms [Razgranicheniye omonimii i polisemii yuridicheskikh terminov]. Bulletin of Moscow State University for the Humanities M.A. Sholokhov, 2, 39-49 (in Russian).
- Dictionary of linguistic terms [Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov] (1976). D. E. Rosenthal, M. A. Telenkova (Eds.). Moscow (in Russian).
- Gubaeva, T.V. (2003). Language and law [Yazyk i pravo]. Moscow (in Russian).
- Kosterina, Yu. E., Kondratyukova, L.K. (2014). Criteria and principles for the selection of terms [Kriterii i printsipy otbora terminov]. Omsk Scientific Bulletin, 1(125), 133-137. (in Russian).
- Legal Encyclopedic Dictionary [Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'] (2016). A.V. Malko (Ed.). Moscow (in Russian).
- Leonenko, N. T. (2015). Legislative technique [Zakonodatel'naya tekhnika]. Novosibirsk (in Russian).
- Martishko, N. Yu. (2015). Semantic modification of terms in the modern legislative discourse. Thesis of Doctoral Dissertation. [Smyslovaya modifikatsiya terminov v sovremennom zakonodatel'nom diskurse]. Volgograd (in Russian).
- Miloslavskaya, D. (1999). Legal terms and their interpretation [Yuridicheskiye terminy i ikh interpretatsiya]. REG, 21(27) (in Russian).
- Rakhmanova, L.I., Suzdaltseva, V.N. (1997). Modern Russian language. Vocabulary. Phraseology. Morphology. [Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika. Frazheologiya. Morfologiya]. Moscow (in Russian).
- Sichinava, N. G. (2012). The portable use of legal terms in the general literary language [Perenosnoye upotrebleniye yuridicheskikh terminov v obshcheliteraturnom yazyke]. Language and Law: Actual Problems of Interaction (in Russian).
- Turanin, V.Yu. (2006). The essence and meaning of the definition in the modern legislative text [Sushchnost' i znacheniyе definitsii v sovremennom zakonodatel'nom tekste]. Modern Law, 5, 43-48 (in Russian).
- Zemlyanaya, T. B., Pavlycheva, O. N. (2010). Use of terminology in law-making [Ispolzovaniye terminologii v pravotvorchestve]. Journal of scientific and pedagogical information, 10. Available from: <http://www.paedagogia.ru/2010/47-10/110-zemlyanayapavlicheva> (in Russian).

Citation:

Громова Н.С. Юридический термин в правовом поле и за его пределами. // Юрислингвистика. – 2019. – 13. – С. 5-9.
Gromova, N.S. (2019). Legal term in the legal environment and beyond. Legal Linguistics, 13, 5–9.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Проблемы содержания термина «беспомощное состояние» в УК РФ

Н.В. Тыдыкова

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru*

Статья посвящена исследованию термина «беспомощное состояние», который используется при конструировании многих составов преступлений. Автор анализирует его понимание правоприменительной практикой при квалификации разных составов преступлений. Отмечается, что официальные разъяснения по толкованию этого понятия имеются только применительно к убийству и насильственным половым преступлениям. Обосновывается, что понимание рассматриваемого признака в этих составах принципиально разное. Для квалификации насильственных половых преступлений он имеет более широкое содержание, чем для целей квалификации убийств. Доказывается, что в правоприменительной практике по-разному решаются и иные вопросы квалификации разных составов при его наличии. Это влечет проблему определения содержания термина для других составов, где он также используется, но не разъясняется. Предпринимается попытка дать объяснение разному смысловому наполнению одного и того же термина в зависимости от его места в составах преступлений. Высказано негативное отношение к такому подходу. В качестве разрешения сложившейся проблемы предлагается оставить рассматриваемый термин в таком наименовании лишь в некоторых составах, а в остальных заменить на какой-то иной. Это позволит разные термины наполнить разным смысловым значением. Для единообразия толкования предлагается дать разъяснения в соответствующих по тематике постановлениях Пленума Верховного Суда РФ или в специальном постановлении, посвященном толкованию оценочных признаков. Рекомендуется рассмотреть вопрос о расширении этого понятия для целей квалификации убийств и других насильственных преступлений для обеспечения полноты квалификации и назначения справедливого наказания виновным.

Ключевые слова: беспомощное состояние, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, убийство, квалифицирующие признаки, оценочные понятия.

Problems of the content of the term «helpless state» in the Criminal Code of Russian Federation

N.V. Tydykova

*Altai State University
Lenin St. 61, 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru*

The article is devoted to the study of the term «helpless state», which is often used in establishing many corpora delicti. The author analyzes its interpreting in the qualification of different corpora delicti in the law enforcement practice. It is noted that official explanations for the interpretation of this concept are available only in relation to murder and violent sexual crimes. It is proved that the understanding of the characteristic under discussion in these corpora is fundamentally different. For the qualification of violent sexual crimes, it has a wider content than for the qualification of murder. It is proved that in law enforcement practice corpus delicti is qualified differently if there is helpless state. This leads to the problem of determining the content of the term for other corpora delicti, where it is also used, but not explained. An attempt is made to explain the different semantic content of the same term, depending on its place in corpus delicti. This approach is viewed here as negative. As a solution to the existing problem, it is proposed to leave the term in question the current name only in some establishments of corpora delicti while replacing it in others. This will allow different terms to be filled with different meanings. For consistency of interpretation, it is proposed to provide explanations in the relevant resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation or in a special resolution devoted to the interpretation of evaluative features. It is recommended to consider expanding this concept for the purpose of qualifying murders and other violent crimes to ensure ample qualifications of crimes and impose a fair punishment on those guilty.

Key words: helpless state, rape, sexual assault, murder, qualifying signs, evaluative concepts.

Термин «беспомощное состояние» потерпевшего в Общей части УК РФ встречается только один раз – в п. «з» ч.1 ст. 63 УК РФ как обстоятельство, отягчающее наказание. В Особенной части УК РФ он называется квалифицирующим признаком в ряде составов (ст. 105, 110, 110.1, 111, 112, 117, 120, 127.1, 131, 132 УК РФ). Однако определения этого понятия в самом УК РФ нет. Его толкование применительно к составам убийства, изнасилования и насильственных действий сексуального характера дано в соответствующих Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» в п. 7 разъясняет, что потерпевший в беспомощном состоянии при убийстве – это лицо, неспособное в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К ним могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» в п. 5 говорит, что изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. А в п. 6 того же постановления поясняется, что беспомощным состоянием может быть признано и опьянение, вызванное употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, но лишь его степень, которая лишала это лицо возможности понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному лицу.

Из анализа приведенных определений видно, что трактовка рассматриваемого термина применительно к разным составам разная. Для насильственных половых преступлений Верховный Суд РФ дает более широкое понимание, нежели для убийства. Для квалификации содеянного по статье 105 УК РФ понимание сводится только к неспособности потерпевшего оказывать сопротивление и защищать себя. Применительно к насильственным половым преступлениям можно выделить две разновидности беспомощности: физическую и психическую, т.е. в понятие включаются и те случаи, когда потерпевшие не осознавали характера совершаемых с ними действий.

В практической плоскости это означает, что при квалификации убийств ряд случаев нельзя признать беспомощным состоянием потерпевших. Например, состояние сна, опьянения. Хотя в литературе можно встретить мнение отдельных исследователей о том, что для квалификации всех преступлений рассматриваемый термин должен трактоваться в соответствии с более поздними по времени разъяснениями Верховного Суда РФ, т.е. посвященными преступлениям против половой свободы и неприкосновенности личности [Буликеева 2013:55]. Вряд ли можно согласиться с таким мнением, так как соответствующие разъяснения Верховного Суда имеют тематическую направленность. Более убедительной выглядит позиция тех авторов, которые доказывают, что состояние сна в любых преступлениях должно признаваться беспомощным состоянием потерпевшего, а официальная позиция Верховного Суда РФ требует переосмысления [Балашов 2015: 104-109].

Другим различием является разный подход к малолетним потерпевшим. В соответствии с примечанием к статье 131 УК РФ лица, не достигшие двенадцатилетнего возраста, автоматически признаются находящимися в беспомощном состоянии, поскольку они не могут понимать характер и значение совершаемых с ними действий. В отношении потерпевших с 12 лет такой вопрос решается в каждом конкретном случае индивидуально. В составе убийства малолетний возраст как бы «вынесен за скобки» беспомощного состояния, т.к. в п. «в» ч.2 ст. 105 УК РФ выделен автономно.

Думается, что основная причина разной трактовки этого признака в разных составах в том, что рассматриваемый признак занимает разное место в этих составах. Беспомощное состояние в насильственных половых преступлениях является элементом объективной стороны основного состава, оно является необходимым условием для признания деяния изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (при отсутствии физического насилия или угрозы физическим насилием). Поэтому в его понятие закладываются все возможные варианты, когда посягающему удастся совершить сексуальные действия вопреки (то есть против или помимо) воле потерпевшего, чем причинить вред половой свободе и (или) нормальному нравственному и половому развитию [Тыдыкова 2013: 109-110]. В составе же убийства беспомощное состояние признается квалифицирующим признаком, что предполагает более высокую степень общественной опасности по сравнению с убийством потерпевшего, который не находился в беспомощном состоянии. К беспомощности в составе убийства относятся обстоятельства, которые носят неустранимый в момент посягательства характер (паралич, психическое заболевание), наличие которых не позволяет оказать сопротивление. Дементьев С.И. отмечает, что это состояние заведомо понимает убийца, значит, действует более цинично и нагло, нежели тот, который убивает «из-за угла» [Дементьев 1999: 43]. Если признать неосознание потерпевшим при убийстве характера совершаемых с ним действий (т.е. неосознание им того, что его убивают), то убийство путем выстрела с далекого расстояния, из-за укрытия и т.п. необходимо будет также признавать совершенными при наличии рассматриваемого квалифицирующего обстоятельства, что вряд ли соответствует его сути.

Помимо неодинакового смыслового наполнения термина «беспомощное состояние» в правоприменительной практике по-разному решаются и иные вопросы квалификации разных составов при его наличии.

Например, неодинаково решение вопроса о квалификации тех случаев, когда потерпевшие от разных преступлений приводились в беспомощное состояние насильственными действиями виновных. Так, Ф. был признан виновным в совершении изнасилования с применением насилия к потерпевшей и использованием ее беспомощного состояния: он нанес потерпевшей не менее 3 ударов кулаками по голове и 2 - 3 удара по телу, после чего она потеряла сознание. Когда она пришла в себя, то поняла, что лежит на спине на диване, а Ф. совершает с ней половой акт в естественной форме. Кассационная инстанция оставила приговор без изменения [6]. Т.В. Кондрашова также рекомендует указывать на оба обязательных признака (применение физического насилия и использование беспомощного состояния потерпевшей) также и в том случае, когда для дальнейшего совершения с ней полового акта потерпевшая была приведена в бессознательное состояние путем введения в ее организм одурманивающих веществ [Коробеев 2008: 513-514]. Эта позиция кажется разумной: указание и того и другого альтернативных признаков объективной стороны состава на квалификацию не влияет, но является обязательным условием для назначения справедливого наказания. В литературе приводятся и другие примеры из практики, когда правоприменитель идет по тому же пути [Безматерных 2018:145]. Однако при квалификации

убийств если беспомощное состояние потерпевших было результатом примененного виновным насилия, то этот признак вообще вменяться не должен. Так, по одному из дел Верховный Суд РФ указал, что необходимо исключить осуждение по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку потерпевший оказывал осужденным сопротивление, в бессознательное состояние он был приведен в процессе реализации ими умысла на его убийство, а потому бессознательное состояние потерпевшего в данном случае нельзя отнести к беспомощному, дающему основание для квалификации действий осужденных по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ [9].

Такую разницу в подходах снова можно объяснить местом рассматриваемого признака в составах. Так как в составах насильственных половых преступлений беспомощное состояние – один из альтернативных (наряду с насилием и угрозой его применения) способов совершения действия сексуального характера, то необходимо указывать все признаки для полного описания содеянного. Тот факт, что беспомощное состояние стало причиной примененного насилия, также особенного значения не имеет, так как насилие в этих составах является способом и даже в какой-то степени сутью, содержанием преступления. В таком варианте совершения этих преступлений не имеет значения, насилие стало способом совершения желаемых действий непосредственно, или стало способом приведения в беспомощное состояние, которое уже и позволило совершить те самые желаемые действия с потерпевшими. Субъективно можно предположить, что второй вариант обладает большей общественной опасностью, так как нахождение потерпевших в таком состоянии само по себе может негативно сказываться на здоровье потерпевших (помимо примененного к ним насилия). Поэтому думается оправданным учитывать это обстоятельство при назначении наказания. Что касается убийства, то насилие и составляет основное содержание деяния как признака объективной стороны этого состава. Вероятно, по этой причине Верховный Суд РФ посчитал, что на квалификацию не должно оказывать влияние то обстоятельство, что в процессе примененного насилия, направленного на лишение жизни, потерпевший в какой-то момент времени до лишения жизни оказывался в том состоянии, когда не был способен защитить себя. Впрочем, к такой позиции Верховного Суда РФ можно относиться по-разному.

В литературе высказывается позиция о том, что если в разных случаях необходимо разное смысловое наполнение одного и того же термина, то, возможно, стоит в каком-то из составов заменить этот термин на другой. Например, в составе квалифицированного убийства использовать термин «заведомое физическое или психическое бессилие потерпевшего, не связанное с действиями субъекта посягательства» [Барышева 2016: 120]. Позиция кажется вполне разумной, хотя вопрос о наименовании требует самостоятельного обсуждения. Однако высказываются и другие предложения для решения рассматриваемой проблемы. Например, предлагается сформулировать единое понимание этого признака во всех составах преступлений [Шидула 2018: 33]. Также отмечается, что УК РФ использует рассматриваемый термин и тоже не раскрывает его содержания, что создает трудности для правоприменительной практики [Карпушов 2018: 23], в связи с чем отдельные исследователи даже говорят о необходимости междисциплинарных исследований для решения вопроса [Шидула 2016: 22]. Думается, что при выборе пути совершенствования уголовного закона необходимо решить вопрос о необходимом содержании рассматриваемого термина в разных составах преступлений и для тех составов, где содержание одинаково, оставить один термин. Для тех случаев, которые потребуют иного содержания, необходим иной термин.

Особенно острой является сложившаяся проблема в свете необходимости понимания рассматриваемого термина и в иных составах, (например, в составе, предусмотренном ст. 111 УК РФ), для которых отсутствуют официальные разъяснения по его пониманию. Так как «беспомощное состояние» в составах УК РФ является не единственным оценочным понятием, трактовка которого вызывает трудности в правоприменительной практике, то, возможно, целесообразным было бы принятие Верховным Судом РФ специального постановления, посвященного содержанию таких терминов. На необходимость такого постановления отдельные авторы указывают и в свете анализа проблем такого оценочного понятия, как «особая жестокость» [Меньшикова 2014: 69; Серегина 2018: 271].

Таким образом, понятие беспомощного состояния имеет устоявшееся понимание только для квалификации убийств и насильственных половых преступлений. К сожалению, Верховный Суд РФ дает разное толкование одного и того же понятия в этих двух случаях. Толкование этого понятия для других составов отсутствует, что создает серьезную проблему для правоприменительной практики. Для ее решения требуется комплексное решение с учетом потребностей квалификации всех преступлений, где этот термин используется.

Литература

- Балашов С.М. Сон как состояние беспомощности / Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. - № 3. - С. 104-109.
- Барышева К.А. Коллизии определения наличия признака беспомощности потерпевшего в некоторых составах преступлений / Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2016. - № 4. - С. 118-128.
- Буликеева Д.Ж. Проблемы применения квалифицирующего признака «иное лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии» / Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. - № 17 (308). – С. 54-57.
- Деметьев С. Понятие беспомощного и бессознательного состояния / Российская юстиция. - 1999. - N 1. - С. 43.
- Карпушов М.А. Понятие «беспомощное состояние» как одно из оснований возникновения обязательного представительства потерпевшего в уголовном судопроизводстве / Адвокатская практика. - 2018. - N 1. - С. 23 - 26.
- Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда по делу N 22-506/2011 (N 1-539\2010г.). URL: <https://rospravosudie.com/>
- Безматерных М.А., Качина Н.В. Совместное использование признаков «применение насилия» и «использование беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)» при квалификации деяний, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ / Актуальные проблемы российского права. – 2018. - № 12. – С. 142-147.
- Меньшикова А.Г. Соотношение понятий «особая жестокость», «издевательство» и «мучения» применительно к п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ / Российский юридический журнал. - 2014. - N 4. - С. 69.
- Определение Верховного Суда РФ от 10.09.2007 по делу N 78-007-52СП // URL: <http://www.pravosudie.biz/403730>.
- Полный курс уголовного права: В 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. Т. II: Преступления против личности. С. 513 - 514.
- Серегина Е.В., Казанова Т.А. Сложности уголовно-правовой оценки признаков преступлений, совершенных с особой жестокостью / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. - № 5. – Том. 2. - С. 271.
- Тыдыкова Н.В. Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации насильственных половых преступлений: монография. – М., 2013. – 192с.
- Шидула И.Р. Дискуссионные вопросы определения беспомощного состояния потерпевшего в уголовном законодательстве / Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. -2016. - №2. – С. 20-22.

Шикула И.Р. К вопросу определения уголовно-правовых критериев оценки беспомощного состояния потерпевшего / Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2018. - № 1 (18). - С. 33-35.

References

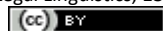
- Balashov, S. M. (2015). Dream as a state of helplessness. Business is legal. Economic and legal journal, 3, 104-109 (in Russian).
- Barysheva, K. A. (2016). Conflicts of definition of existence of a sign of helplessness of the victim in some structures of crimes. The Law. Journal of Higher School of Economics, 4, 118-128 (in Russian).
- Bulycheva, D. J. (2013). The problem of applying the aggravating circumstance "other person known to the perpetrator in a helpless state". Bulletin of the Chelyabinsk State University, 17(308), 54-57 (in Russian).
- Cassation determination of Judicial Board on criminal cases of the St. Petersburg City Court. (2011). The case No 22-506/2011 (N 1-539\2010). Available from: <https://rospravosudie.com/> (in Russian).
- Dement'ev, S. (1999). The Notion of a helpless and unconscious condition. The Russian justice, 1, 43 (in Russian).
- Crimes against the person. (2008). Pp. 513-514. In Full course of criminal law. A. I. Korobeev (Ed.). St. Petersburg, Law center Press (in Russian).
- Korpusov, M. A. (2018). The Concept of "helpless state" as one of the grounds for the compulsory representation of victims in criminal proceedings. Law practice, 1, 23-26 (in Russian).
- Menshikov, A. G. (2014). The relationship between the concepts of "particular cruelty", "abuse" and "torture" in relation to paragraph "C" of part 2 of article 112 of the criminal code of Russian Federation. Russian law journal, 4, 69 (in Russian).
- Mezmaterykh, M. A., Kachina, N. I. (2018). Joint use of signs of "use of violence" and "use of the helpless state of the victim (victim)" in the qualification of acts provided for in articles 131 and 132 of the criminal code. Actual problems of Russian law, 12, 142-147 (in Russian).
- Seregina, E. V., Casanova, T. A. (2018). Difficulties of criminal-legal assessment of signs of crimes committed with special cruelty. International journal of Humanities and Natural Sciences, 5(2), 271 (in Russian).
- Shikula, I. R. (2016). Debatable questions of definition of a helpless condition of the victim in the criminal legislation. Actual questions of fight against crimes, 2, 20-22 (in Russian).
- Shikula, I. R. (2018). To the question of determining the criminal law criteria for assessing the helpless state of the victim. Actual problems of our time: science and society, 1(18), 33-35 (in Russian).
- The determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.09.2007 in the case of N 78-007-52СП. Available from: <http://www.pravosudie.biz/403730/> (in Russian).
- Tydykova, N.V. (2013). Criminal law characterization and qualification of violent sexual offenses: a monograph. Moscow (in Russian).

Citation:

Тыдыкова Н.В. Проблемы содержания термина «беспомощное состояние» в УК РФ. // Юрислингвистика. – 2019. – 13. – С. 10-13.

Tydykova, N.V. (2019). Problems of the content of the term «helpless state» in the Criminal Code of Russian Federation.

Legal Linguistics, 13, 10-13.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Лингвистическая экспертиза современного рекламного текста из сети Интернет

Н. В. Гераскевич

Сургутский государственный педагогический университет
ул. 50 лет ВЛКСМ, д.10/2, 628417, г. Сургут, Россия. E-mail: nata_skazka@rambler.ru

В настоящей статье рассматриваются особенности современного рекламного текста. Акцентируется внимание на когнитивной и аффективной функциях рекламы как основополагающих при создании и восприятии рекламного продукта. В представленной статье освещены правовые аспекты рекламы в современном обществе со ссылкой на нормативную правовую базу Федерального уровня. Обозначены признаки недобросовестной и неэтичной рекламы. На основании сформулированных выводов проведена лингвистическая экспертиза конкретного рекламного текста из сети Интернет. Представлен подробный лингвистический анализ рекламы в соответствии с обозначенным алгоритмом. В исследовании рассматриваются признаки рекламного текста, объект рекламирования, форма функционирования рекламного слогана. Выявлен адресат анализируемого рекламного продукта. Лингвистической экспертизе подвергнуто семантическое содержание рекламы и ее комментариев пользователями сети Интернет. Результаты лингвистической экспертизы могут быть признаны самодостаточными либо послужить основой для дальнейшего анализа указанного рекламного текста.

Ключевые слова: рекламный текст, лингвистическая экспертиза, семантический анализ.

Linguistic examination of modern Internet advertisement copy

N. V. Geraskevich

Surgut State Pedagogical University
50 years of the Komsomol St. 10/2. Surgut, 628417, Russia.
E-mail: nata_skazka@rambler.ru

This article discusses the specifics of modern advertisement text. The author of the study focuses on the fundamental cognitive and affective functions of advertisement in the creation and perception of an advertisement product. The article illustrates the legal aspects of advertisement in modern society with reference to the federal legal framework. The characteristics of dishonest and unethical advertisement are indicated. On the basis of the drawn conclusions the linguistic expertise of an advertisement text from the Internet is carried out. A detailed linguistic analysis of advertisement in accordance with the specified algorithm is presented. The study examines the characteristics of the advertisement text, the object of advertisement, the form of the advertisement slogan functioning. The recipient of the analyzed advertisement product is defined. The results of linguistic expertise can be considered self-sufficient or serve as a basis for further analysis of the above mentioned advertisement text.

Key words: advertisement text, linguistic expertise, semantic analysis.

Современное информационное общество ориентировано на использование разнообразных цифровых ресурсов во всех сферах жизнедеятельности человека. Не является исключением и экономическая ниша. Заинтересованность производителей товаров и услуг в реализации своей продукции провоцирует рост рекламного продукта, который благодаря информационной среде можно распространять через различные цифровые носители. Большие возможности для предложений рекламодателей имеет сеть Интернет и другие социальные информационные сети.

Однако обилие рекламы не всегда прямо пропорционально её качеству. Появляются рекламные тексты, которые не соответствуют этическим и нравственным нормам общества, не учитывают социокультурный или этнический аспект территории. Поэтому аудиторией всё чаще приходится сталкиваться с недобросовестной рекламой, содержащей прямую агрессию или провоцирующей конфликтные ситуации в сфере общественных отношений.

Несмотря на наличие законодательной базы в отношении рекламного продукта, юристы не всегда в состоянии однозначно

оценить правомерность либо неправомерность конкретного рекламного продукта. В подобных ситуациях необходима помощь квалифицированного лингвиста-эксперта, способного дать достаточно точную оценку текстового рекламного сообщения, выявить признаки некачественной рекламы с позиций специального лингвистического анализа текста. Нередко только совместная деятельность юристов и лингвистов позволяет дать точную характеристику рекламе в соответствии с требованиями закона.

Как полагает М.В. Баранова, правовое регулирование рекламы – неотъемлемый компонент культуры современности, отражающий менталитет народа, инструмент активизации социально-экономических и морально-психологических отношений не только в стабильных, но и в кризисных условиях. В то же время рекламное право рассматривается как самобытное средство массовой коммуникации, фактор влияния на модернизацию качества жизни, свидетельствующий о цивилизованной обусловленности прав человека [Баранова 2010:15-20]. Права и обязанности субъектов рекламной деятельности установлены различными нормативными актами, являющимися источниками разных отраслей права. В связи с этим следует различать конституционно-правовой, гражданско-правовой, административно-правовой статус субъектов рекламной деятельности и т.д.

Закон о рекламе 1995 г. создан на основе положений Международного кодекса рекламной деятельности Международной торговой палаты. К его разработке привлекались специалисты Государственного комитета по антимонопольной политике, а также зарубежные специалисты и консультанты. Российский закон о рекламе был высоко оценен Европарламентом и даже рекомендован в качестве образца для написания подобных законов в европейских странах [Федеральный закон № 108-ФЗ «О рекламе» 1995: ст.2].

Закон о рекламе 2006 г. помимо общих и особенных норм, посвященных рекламе, предлагает понятийный аппарат в сфере рекламы, общие рамки рекламных правоотношений в России, статус субъектов рекламной деятельности, в том числе профессиональных участников рекламного рынка, а также контролирующих сферу рекламы государственных органов, и их полномочия [Федеральный закон № 108-ФЗ «О рекламе» 2006: ст.5].

Закон о рекламе устанавливает дополнительные требования к рекламе отдельных видов товаров (услуг), например ценных бумаг [Федеральный закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» 1996]. В свою очередь, «обратные» по особенностям распространения рекламной информации отсылки можно обнаружить в отраслевых законах, например, Федеральном законе от 10.07.2001 № 87-ФЗ «Об ограничении курения табака», Законе РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» [Федеральный закон № 87-ФЗ «Об ограничении курения табака» 2001:ст.5; Федеральный закон № 2124-1 2001: ст.36].

В Федеральном законе от 13.03.2006 №38-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О рекламе» приводится дефиниция понятия рекламы.

Реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [Федеральный закон № 108-ФЗ «О рекламе» 2006: ст.3].

С точки зрения указанного Закона, ненадлежащая реклама – реклама, не соответствующая требованиям законодательства Российской Федерации.

С позиций непригодности рекламы для использования в социальной среде можно выделить такие характеристики, как неэтичность, недобросовестность, некорректность, недостоверность.

В правовой практике есть достаточное количество примеров недобросовестной рекламы.

Неэтичная реклама (ст. 8 Закона о рекламе РФ (ФЗ о рекламе РФ) – это реклама, содержащая текстовую, зрительную или звуковую информацию, нарушающую общепринятые нормы гуманности и морали путем употребления оскорбительных слов и выражений, а также образов в отношении расы, национальности, социальной категории, возрастной группы, пола, языка или профессии, а также религиозных, философских, политических и иных убеждений физических лиц. Также неэтичной является реклама, порочащая произведения искусства, составляющие национальное или мировое культурное достояние. Запрещается порочить государственные символы, национальную валюту РФ или другой страны, а также религиозные символы [МедиаТрансУфа 2018].

По мнению О.Е. Надеждиной, реклама в современном обществе осуществляет важные экономические задачи, но часто имеет некорректную форму и недостоверное содержание [Надеждина 2010: 454].

Как утверждает вышеуказанный автор, в конечном итоге плохая реклама невыгодна всем. С одной стороны, она создаёт напряжение в обществе, с другой – приводит к снижению объёма продаж, к падению прибылей.

Несмотря на существующие требования и позиции законодательной базы о рекламе, рекламный текст всегда сложен по своему строению. Семантика речевого рекламного высказывания включает несколько типов: пропозитивный (отражение внеязыковой ситуации в тексте), иллокутивный (определение целеустановки автора в речевом акте), перлокутивный (прогнозируемый эффект или реакция адресата высказывания).

Для выяснения и доказательства некорректности рекламного текста только юридических знаний недостаточно. В этом случае дополнительно важно привлечь и лингвистические знания.

Как подчёркивает Е.С. Кара-Мурза, главная предпосылка лингвоэкспертного анализа – правовая и деонтологическая регулируемость коммуникации, ее осуществление под контролем сложной иерархии норм: не только стихийно сложившихся (хотя впоследствии и рефлексированных) конвенций – жанрово-дискурсивных (текстовых) и речеповеденческих (тоже соответствующих речедетельностной сфере), но и законодательных требований, государством установленных и охраняемых; а также кодексов деловой этики, в том числе профессиональной коммуникации [Кара-Мурза 2012].

Проанализируем рекламный текст компании Reebok, получивший широкий резонанс со стороны пользователей социальных сетей: «Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо».

Российский проект стал адаптацией американской кампании Reebok, в которой приняли участие известные во всем мире актрисы, спортсменки, активистки. Только на плакатах с Gal Gadot, Nathalie Joanne Emmanuel и другими красуются менее вызывающие лозунги: «Поражения – это топливо для будущих побед» или, например, «Никогда не извиняйся за то, что ты сильная».

Данный рекламный слоган обладает всеми признаками рекламного текста, такими как лаконичность, конкретика, обращённость к аудитории, одна центральная идея, оригинальность, простота лексики, образность, соответствие духу компании. Объектом рекламирования является продукция компании Reebok. Цель данной рекламы – дать возможность девушкам, которые занимаются «не женскими» видами спорта – смешанными единоборствами, – проявить себя, убедить общество, что женщины также могут быть активными, а не только заниматься домашним хозяйством. Таким образом, рекламный слоган преследовал цель отмены гендерных стереотипов. В слогане рекламируется только один объект – сильная сторона женщины в достижении успеха в спорте.

Комментарии пользователей социальных сетей показали, что реклама была воспринята как попытка дискриминировать мужчин как гендерную и социальную группу. Создатели рекламы парировали мнение общественности, утверждая, что призывают не унижать мужчин, а раскрепоститься и сломать стереотипы вместе с сильной женщиной. По словам специалиста по маркетингу, речь шла не о жестокости, а об удовольствии [Как реклама Reebok возмутила Сеть, 2019]. Однако эффект получился прямо противоположный. Это

можно интерпретировать следующим образом: перестань быть служанкой мужчины, стань женщиной, которая способна видеть в мужчине только соперника, слабого индивида и т.п. На наш взгляд, авторы не учли особенностей менталитета и культурных ценностей российского общества. Реклама демонстрирует негативное отношение к лицам, не пользующимся рекламируемыми товарами, поскольку апеллирует к обществу в целом, разделяя при этом его по гендерному признаку. Об этом свидетельствует тот факт, что подтекст рекламы был воспринят аудиторией как вызов мужской половине общества.

В тексте рекламы, опубликованной компанией Reebok, содержится и негативная информация о компании, демонстрирующая ее приверженность к агрессивному феминизму через унижение мужской части общества. Выраженная таким образом информация, безусловно, повлияла на деловую репутацию компании Reebok. Это подтверждается негативными отзывами аудитории: «Нелегко живется современному мужчине, никому нельзя доверять – сперва бритва предаёт, теперь вот и кроссовки воткнули нож в спину»; «Вы оригинал, западную кампанию видели? Она же совершенно иначе звучит, там женственность энергичная, талантливая, самоуверенная, деятельная. Главное, она не выглядит бледной копией самой себя, не выглядит провинциально задиристой хабалкой. Именно в дизайне. Я не про конкретный месседж, это без комментариев, там все понятно» [Как реклама Reebok возмутила Сеть, 2019].

Тем не менее, несмотря на отрицательные отзывы о рекламе, по мнению авторов некоторых статей, «российскому Reebok удалось поймать хайп и, возможно, обратить на себя внимание той части женской аудитории, которая пересытилась одинаково отретушированными рекламными кампаниями спортивных брендов. Правда, глупо отрицать, что ради такого результата принесены несоразмерные жертвы» [Как реклама Reebok возмутила Сеть, 2019].

На основании анализа рекламного высказывания можно утверждать, что данный текст включает полный набор признаков неэтичной рекламы. В частности, он содержит текстовую информацию, нарушающую общепринятые нормы морали путём употребления унижающих слов, сравнений, образов в отношении пола физических лиц (мужской части общества).

Литература

- Баранова, М.В. Право и реклама (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010.
 Как реклама Reebok возмутила Сеть. 2019. URL: https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/08022019/154669?utm_source=CopyBuf
- Кара-Мурза Е.С. Политическая реклама и предвыборная агитация: проблемы эффективности и законности в лингвоэкспертном освещении. 3 Межвузовская научно-практическая конференция «Эффективность массовых коммуникаций: экономический аспект», 2012. Москва, МГУ, «ГЛЭДИС». URL: http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/politicheskaja_reklama_i_predvybornaja_agitacija_problemy_effektivnosti_i_zakonnosti_v_lingvoehkspertnom_o_sveshhenii_kara_murza_e_s/4-1-0-235
- МедиаТрансУфа, 12.02.2018. URL: <https://vk.com/@mediatransufa-6-primerov-neetichnoi-reklamy-narusheniya-federalnogo-zakona>
- Надеждина О.Е. Лингвистическая экспертиза рекламных текстов. Актуальные проблемы российского права. 2010. – № 2. – С. 453- 458.
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/.
- Радченко И.А. Учебный словарь терминов рекламы и публичных рилейшенз. Воронеж: ВФ МГЭИ, 2007.
- Романов А. Концепции современной рекламной деятельности. Маркетинг. 2004. – № 5 (87). – С. 62- 67.
- Федеральный закон от 18 июля 1995 г. № 108-ФЗ «О рекламе» (с изменениями от 18 июня, 14 декабря, 30 декабря 2001 г.). URL: <http://base.garant.ru/10103745/>.
- Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О рекламе». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/.
- Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг». URL: <http://base.garant.ru/10106464/>.
- Федеральный закон от 10 июля 2001 г. N 87-ФЗ «Об ограничении курения табака» URL: <http://base.garant.ru/183519/>.
- Федеральный закон от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации». URL: <http://base.garant.ru/10164247/>.
- Что такое рекламный текст? Особенности, структура, виды рекламных текстов. URL: <http://www.kadrof.ru/mk/14710>
- Экономика. Толковый словарь. Под ред. Дж. Блэк. М., 2000.

References

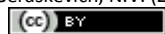
- Baranova, M. V. (2010). Law and advertisement (General theoretical aspect). Thesis of Doctoral Dissertation. N. Novgorod (in Russian).
- Economy. Explanatory dictionary. (2000). Black J. (Ed.). Moscow. (in Russian).
- Federal Law No. 108-FZ. (1995). On advertisement. Available from: <http://base.garant.ru/10103745/> (in Russian).
- Federal Law No 38-FZ. (2006). On advertisement. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (in Russian).
- Federal Law No. 39-FZ. (1996). On the securities market. Available from: <http://base.garant.ru/10106464/> (in Russian).
- Federal Law No 87-FZ. (2001). About restriction of Smoking of tobacco. Available from: <http://base.garant.ru/183519/> (in Russian).
- Federal Law No. 2124-1. (1991). On mass media. Available from: <http://base.garant.ru/10164247/> (in Russian).
- How Reebok advertisement angered the Network. (2019). Available from: https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/08022019/154669?utm_source=CopyBuf (in Russian).
- Kara-Murza, E. S. (2012). Political advertisement and election campaigning: problems of efficiency and legality in linguo-expert coverage. Proceed. 3 Interuniversity scientific-practical conference "The effectiveness of mass communications: economic aspect" Moscow. Moscow State University. Gladys Press. Available from: http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/politicheskaja_reklama_i_predvybornaja_agitacija_problemy_effektivnosti_i_zakonnosti_v_lingvoehkspertnom_o_sveshhenii_kara_murza_e_s/4-1-0-235 (in Russian).
- Media TRANS Ufa. (2018). Available from: <https://vk.com/@mediatransufa-6-primerov-neetichnoi-reklamy-narusheniya-federalnogo-zakona/> (in Russian).
- Nadezhkina, O.E. (2010). Linguistic expertise of advertisement texts. Actual Problems of Russian Law, 2, 453-458. (in Russian).
- Radchenko, I.A. (2007). Educational dictionary of advertisement terms and public relations. Voronezh: WF MGEL (in Russian).
- Resolution of the Plenum of the Supreme Court. (2005). On judicial practice in cases of protection of honor and dignity of citizens, as well as business reputation of citizens and legal entities. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_docLAW52017/ (in Russian).
- Romanov, A. (2004). Concepts of modern advertising. Marketing, 5(87), 62-67 (in Russian).

What is an advertisement text? Features, structure, types of advertisement texts. (2018). Available from: <http://www.kadrof.ru/mk/14710> (in Russian).

Citation:

Гераскевич Н.В. Лингвистическая экспертиза современного рекламного текста из сети Интернет. // Юрислингвистика. – 2019. – 13. – С. 14-17.

Geraskevich, N.V. (2019). Linguistic examination of modern Internet advertisement copy. *Legal Linguistics*, 13, 14–17.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Теоретические основы диагностических методик судебного автороведения (на материале письменной межличностной электронной коммуникации)

Е. А. Жданова

*Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова
ул. Студенческая, 7, 426069, Ижевск, 426069, Россия. E-mail: zhdanovaea@gmail.com*

Статья посвящена исследованию интернет-дискурса в аспекте автороведческой проблематики. В статье рассматриваются специфические черты современной компьютерной коммуникации, жанровые особенности межличностной переписки, оказывающие влияние на язык электронных сообщений. Доказывается, что в интернет-дискурсе иначе проявляются речевые навыки авторов, что требует иного подхода при автороведческом исследовании в данной коммуникативной сфере. Отмечены черты, на которые стоит обратить внимание эксперту при работе с интернет-перепиской. В статье приведены результаты анализа сообщений в социальных сетях и мессенджерах, целью которого было выявление речевых особенностей, указывающих на определенные биологические и социальные признаки авторов. Сообщения в социальных сетях и мессенджерах рассматриваются как явления одного порядка, поскольку они близки функционально, так как служат в основном для неформального обмена информацией между знакомыми друг с другом адресатами, предполагают диалогическое общение преимущественно в письменной форме. В сфере анализа оказались сообщения, написанные лицами мужского и женского пола в возрасте от 12 до 72 лет, имеющими различное образование, занятыми в разных сферах деятельности, являющимися гражданами России и некоторых других стран. В результате анализа выявлены лексико-фразеологические, грамматические, стилистические, орфографические, пунктуационные особенности сообщений авторов в зависимости от их возраста, места происхождения, владения русским языком, уровня образования и общей культуры, профессии и рода занятий. Наиболее показательными признаны особенности лексического уровня. Отмечена необходимость применения к анализу интернет-коммуникации не только собственно лингвистических, но и лингвостатистических, квантитативных методов.

Ключевые слова: автороведческое исследование, биосоциальные признаки, интернет-дискурс.

Theoretical framework of diagnostic techniques of legal authorship examination (on the material of written interpersonal electronic communication)

E. A. Zhdanova

*Kalashnikov Izhevsk State Technical University
Studencheskaya St. 7, Izhevsk, 426069, Russian Federation. E-mail: zhdanovaea@gmail.com*

The article discusses the Internet discourse in the aspect of authorship problems. The article outlines the specific features of modern computer communication, the genre features of interpersonal correspondence that affects the language of electronic messages. It is argued that in the Internet discourse the speech skills of the authors are manifested specifically, which requires a different approach to the study of authorship in this sphere of communication. Some features to be noted by the expert when working with Internet communications are singled out. The article presents the results of the analysis of messages in social networks and messengers, the purpose of which was to identify speech features that indicate the specific biological and social characteristics of the authors. Messages in social networks and instant messengers are treated as phenomena of the same order, since they are close functionally, since they serve mainly for the informal exchange of information between recipients familiar with each other, and presuppose primarily written dialog. The case study analyses messages written by men and women aged 12 to 72 years old, with different education, employed in various spheres, both citizens of Russia and other countries. The analysis revealed lexical, phraseological, grammatical, stylistic, spelling, punctuation features of the authors' messages, depending on their age, place of birth, knowledge of the Russian language, level of education and general culture, job and occupation. The

characteristic features of the lexical level are recognized as the most illustrative. The article argues that not only linguistic methods proper but also statistical, quantitative methods should be applied the analysis of the Internet communication.

Key words: authorship research, biosocial features, the Internet discourse.

Использование сети Интернет в качестве канала коммуникации началось несколько десятилетий назад и неуклонно активизируется. Появляются новые формы и возможности общения, которые влекут за собой возникновение новых языковых способов выражения. В связи с этим в лингвистике появляется новый объект изучения, обозначаемый как электронное общение, интернет-коммуникация, компьютерный дискурс.

Целью данной работы является анализ особенностей коммуникации в социальных сетях и мессенджерах, которые могут быть использованы в качестве теоретической основы при проведении лингвистической автороведческой экспертизы текстов интернет-коммуникации.

Материалом для анализа послужили сообщения из личной переписки автора работы и членов его семьи в социальных сетях ВКонтакте, Одноклассники и в мессенджере Viber. На наш взгляд, такие формы общения, как переписка в соцсетях и мессенджерах, близки функционально, так как служат в основном для неформального обмена информацией между знакомыми друг с другом адресатами, предполагают диалогическое общение преимущественно в письменной форме. В сфере анализа оказались сообщения, написанные лицами мужского и женского пола в возрасте от 12 до 72 лет, имеющими различное образование, занятыми в разных сферах деятельности, являющимися гражданами России и некоторых других стран.

На современном этапе развития интернет-коммуникация становится все более разнообразной и разножанровой. В зависимости от условий и функций общения, взаимоотношений коммуникантов компьютерный дискурс приобретает разные формы, пользователи выбирают различные средства выражения. Например, если электронная почта имеет статус официального канала связи со свойственным ей этикетом и деловым стилем общения, то язык интернет-чатов остается неформальным, отражает специфические особенности разговорной речи.

Одним из важных факторов, влияющих на язык общения в интернете, является взаимодействие устной и письменной форм речи. В классическом понимании устная и письменная формы выполняют разные функции и, следовательно, имеют различные характеристики. Однако распространение современных коммуникационных технологий привело к тому, что функции, изначально присущие исключительно устной речи, стали характерными и для письменной. Чаты в социальных сетях и мессенджеры служат для непосредственного общения, быстрого обмена информацией, передачи эмоций коммуникантов, находящихся на расстоянии. Отсутствие тарификации и лимита на число знаков в отсылаемых сообщениях приводит к неограниченности объема и количества посланий, а также к тому, что у пользователя пропадает необходимость корректировать, сокращать сообщения ради экономии: если адресат не поймет послание, то может переспросить, уточнить.

Возможность непосредственного контакта и свобода формы выражения приводят к тому, что автор, создавая письменный текст, осмысляет его как аналог устного высказывания и строит его как устное сообщение: использует большое количество стилистически сниженной лексики, не заботится о четком грамматическом оформлении предложений, невнимательно относится к орфографической и пунктуационной подаче материала (по нашим наблюдениям, некоторые авторы используют только те знаки препинания, которые выполняют эмоциональную функцию). Эмоции, для выражения которых в устной речи служат интонация и невербальные сигналы (смех, стон и т.п.), в письменной заменяются смайликами и другими картинками, фигурами, составленными из пунктуационных знаков, междометиями и звукоподражаниями (*Вау! Ахаххаха! Хе-хе*). В связи с этим некоторые ученые говорят о появлении благодаря интернету особой устно-письменной формы речи [Горошко 2012]. Некоторые исследователи относят подобные формы коммуникации к числу жанров естественной письменной речи [Лебедева 2001].

В качестве подтверждения тезиса о том, что пользователи мессенджеров воспринимают переписку как устное общение, приведем пример из чата в Viber родителей и руководителя детского ансамбля:

[Юлия Николаевна (руководитель)]: *Внимание, уважаемые родители! 3 и 4 марта у нас концерты! В Филармонии и у нас в школе. 3 марта встречаемся в 13.30 в ШКОЛЕ в костюмах, туфли, деньги или проездной на троллейбус! В 16.30 начало КОНЦЕРТА! Закончится концерт в 18.00!!! 4 марта в 17.00 распевка, в 18.00 – концерт! Концертный костюм. Прошу оздоровить детей и проследить, чтобы они выпались!!!*

[Андрей (один из родителей)]: *Юлия Николаевна! Очень много информации. Хочется конкретики. Сегодня во сколько Ждану быть в филармонии в костюме?*

Данный фрагмент показывает, что несмотря на сохранение в чате письменного сообщения руководителя, в котором информация представлена вполне четко и структурированно, и возможность его перечитать, адресат для уточнения использует тактику переспросов, которая характерна для устного общения и вызвана такими свойствами устной речи, как необратимость и завершенность во времени.

Социальные сети и мессенджеры не являются официальным каналом передачи информации, это усиливает впечатление живого неформального диалога, поэтому даже переписка незнакомых друг с другом коммуникантов или людей, состоящих в деловых отношениях, в данных условиях воспринимается как неофициальная, что отражается на выборе лексического, грамматического, стилистического и графического оформления сообщений. Часто послания оказываются короткими, как реплики в устном диалоге, вербальный ответ может быть заменен смайликом или каким-либо изображением, что приводит к креолизации диалога.

Стоит отметить и широкую тематику неофициальной интернет-переписки: коммуниканты могут обсуждать как бытовые темы, что характерно для бесед в разговорном стиле, так и деловые, профессиональные вопросы или, например, прочитанные книги и просмотренные фильмы, что расширяет круг используемых лексических средств и стилистических ресурсов языка. Таким образом, языковые средства, задействованные в сообщениях соцсетей и мессенджеров, выходят за рамки обиходно-бытового общения.

Обратим внимание и на то, что в отличие от многих других форм интернет-коммуникации (сайтов, блогов, электронной почты и др.) общение в соцсетях и мессенджерах, несмотря на опосредованность компьютером или другими устройствами, оснащенными доступом в интернет, в принципе не предполагает дистантности адресата и адресанта, особенно во временном плане: пишущий зачастую обращается к лицу, которое находится в сети (online), и рассчитывает на моментальный ответ. Этот фактор сближает письменную коммуникацию в соцсетях и мессенджерах с видеозвонками, делает общение в данном формате непосредственным.

Указанные черты, обусловленные функциональными особенностями сообщений в соцсетях и мессенджерах, определяют их своеобразие и необходимость особого подхода к их анализу.

Применительно к общению в соцсетях и мессенджерах встает вопрос о том, как соотнести данный дискурс с понятием *текст*. Можно ли считать текстом каждое отдельное сообщение, опираясь на то, что единичная «реплика» не всегда приводит к развернутому диалогу или даже вызывает ответную реакцию? Или текстом будет являться весь диалог, объединенный тематикой (не всегда обсуждается одна тема), тональностью, коммуникативной ситуацией, связный, цельный, ограниченный временем? Такой интернет-диалог близок к понятию *текста-разговора* как одного из видов разговорных текстов в концепции О. Б. Сиротининой или может быть назван *неканоническим текстом* в терминологии Т. В. Матвеевой [Кожина 2012: 442-446]. Существенное отличие от канонического текста заключается в разносубъектности такого речевого образования, что осложняет применение к нему текстологических методов при проведении автороведческой экспертизы. Для описания характеристик одного из авторов такого текста необходимо извлечь его реплики и рассматривать их в совокупности, однако для анализа некоторых показателей придется учитывать их связь с репликами собеседника.

Разработка методов авторизации письменного текста на основе лингвистических признаков началась в СССР во второй половине XX в. В 1976 г. Г. Л. Грановский отмечает, что письменная речь дает большие возможности по определению автора текста, нежели те, что предполагает почерковедческая экспертиза [Грановский 1976: 3], которая, в частности, не применима к печатным текстам. Однако несмотря на большое количество разносторонних исследований письменной речи, точного алгоритма действий для эксперта не существует.

В качестве основной методики анализа в данной работе применяется классификация языковых, дискурсивных и интеллектуальных навыков письменной речи, приведенная в пособии С. М. Вула «Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы» [Вул 2007]. Однако при анализе таких специфических текстов, как сообщения в соцсетях и мессенджерах, эксперт не может применить весь спектр оценочных средств и методов, разработанных для исследования письменной речи.

С другой стороны, фактор «разговорности», эмоциональности, «неотредактированности» интернет-сообщений дает эксперту новые возможности. При анализе такого материала можно обратить внимание на следующие признаки написания сообщений:

- количество опечаток и нелепых ошибок, которые нельзя объяснить орфографическими правилами,
- согласованность предложений (насколько автор вообще обращает внимание на языковое оформление текста);
- манера передавать мысль (описывать ситуацию) одним сообщением или разбивать ее на несколько «синтагм»;
- анализ графического оформления: использование «смайликов» и других картинок, предпочтение замены их знаками препинания, наличие пробелов между словами, использование букв ё и ъ, которых нет в раскладке некоторых гаджетов, наличие или отсутствие заглавных букв, использование текстового редактора, помогающего в правописании, но иногда заменяющего слова, и т. д.

Все эти признаки, отчасти сближающие анализ сообщений с почерковедческой экспертизой, могут дать представление о манере письма автора и помочь при идентификационной экспертизе, а также указать на некоторые психологические и социальные характеристики пишущего.

Также отметим, что к текстам интернет-коммуникации, существующим в электронном виде, удобно применять лингвостатистические методы, и при достаточной их проработанности и теоретической обоснованности тексты сообщений одного лица, представленные в совокупности, могли бы быть подвергнуты квантитативному анализу по ряду релевантных признаков, на основании которого можно было бы делать выводы о специфических речевых чертах данного автора и устанавливать авторство спорных (конфликтных) текстов сообщений. Применение лингвостатистических методов для определения некоторых биосоциальных признаков авторов текстов интернет-коммуникации является одним из развивающихся направлений современной прикладной лингвистики [см., например, Верховин 2013; Горошко 2004; Красса 2013; Романов, Мещеряков 2011; Рыжкова 2015, Туманова 2011].

Но стоит подчеркнуть, что при анализе электронных сообщений, как при исследовании любого текстового материала, необходимо учитывать экстралингвистические показатели. Некоторые параметры сообщений: объем текста, выбор слов, ошибки и опечатки – могут зависеть от внеязыковых факторов, таких как желание / нежелание, возможность / невозможность общаться, близость в отношениях между коммуникантами, тема переписки.

В процессе анализа были выявлены речевые особенности авторов, указывающие на определенные биосоциальные признаки.

1. Речевые особенности сообщений информантов, для которых русский язык не является родным.

Большинство авторов проанализированных нами сообщений являются жителями города Ижевска и Удмуртской Республики. Это представители русской, удмуртской или татарской национальности, для которых русский является родным или одним из двух основных языков общения. Русско-удмуртский и русско-татарский билингвизм распространены в данном регионе, что в большинстве случаев не отражается на письменной речи в интернет-переписке, по крайней мере в нашем материале таких примеров не встретилось. Однако в круг анализируемых сообщений попали и тексты, написанные лицами, для которых русский язык не является родным: это обучающиеся в Ижевске студенты из Узбекистана и Дагестана. Даже при хорошем владении русским языком в письменной речи данные авторы делают ошибки (орфографические и пунктуационные, грамматические и лексические), которые сложно представить в тексте, написанном человеком, для которого русский язык является родным. Данные сообщения отличаются от всех остальных даже при небольшом объеме текста.

Приведем несколько примеров

Ж, 20 л. (русский язык знает с детства):

...можно завтра отпраситься, у меня высокая температура, заразилась грипом. Если температура снизится, я приду на пару не смотря на болячку, обещаю!

Ведомосте есть но на зачетку не проставлена просто

М, 20 л.

Я Бунёдбек. Я сильно простудился сегодня, кажется грипп. Думаю завтра не могу пойти на уроки! Что я могу делать скажите пожалуйста.

Ж, 23 г.

По поводу девушки. Они точно переведут учёбу в Узбекистан. Пожалуйста прстовче очень им по русскому языку. У них первый и второй семестр не посовлено. У Саидова Махфирата и Якубовой Айгула

Ж, 20 лет (пример речи лица, очень слабо владеющего русским языком):

Можно ли я сегодня оплачу 20тисече потом 22тис уменя сейчас только 20тисече есть за проезда тоже нет денег по этому не было на вашу паре

Особенно сложно носителям тюркских языков дается грамматическое оформление предложений, отсутствие знаний о русском правописании, которые дают в русских школах, отражается в орфографическом и пунктуационном оформлении сообщений. Рассматривая отличия речи людей, говорящих на других национальных языках, Грановский отмечает также возможность

использования такими авторами слов родного языка в русском тексте [Грановский 1976], однако в нашем материале таких случаев не обнаружено. Зарубежные студенты четко воспринимают русский язык как иностранный, поэтому для их речевой практики не характерна интерференция языков, которая свойственна билингам.

Отметим также, что лица, недолго проживающие в России, недостаточно владеют стилистическими и этикетными нормами, поэтому могут написать малознакомому старшему и более высокопоставленному человеку (преподавателю) «Привет!», «Как ваши дела?» и т. п. Считаем, что речь нерусскоязычных авторов практически невозможно перепутать с речью русскоговорящего человека и сложно подделать.

2. Речевые особенности информантов, определяющие их место жительства (происхождение).

Как известно, русский язык имеет не только социальную, но и территориальную дифференциацию. Диалектные особенности речи характерны прежде всего для жителей сельской местности, однако и жители городов употребляют в своей речи местные слова – локализмы, – использование которых наблюдается в определенном регионе или населенном пункте и которые неизвестны за пределами данной местности. В городах такие элементы относятся к просторечию и характерны для разговорной речи. Просторечие традиционно складывается на базе диалектов, это и обеспечивает его местное своеобразие. Использование подобных локальных элементов в речи указывает на место жительства или происхождение говорящего.

В связи с неофициальностью и непосредственностью общения в соцсетях и мессенджерах в сообщениях коммуникантов, родившихся и живущих в Ижевске, иногда встречаются локализмы:

На дачу мы едем сегодня у мелкого др (М. 19 л.)

Мелкий – младший (о брате) [Прокуровская 1996: 90].

- На чем мне ехать?

- На ОДНЁРКЕ (Ж.1 38 л.)

- Еду на ОДНЁРКЕ (Ж.2 38 л.)

Однёрка – маршрут троллейбуса, трамвая № 1 [Прокуровская 1996: 51].

В этом диалоге двух женщин, имеющих высшее филологическое образование, графическое выделение слова подчеркивает шуточный характер сообщений. Просторечная лексема употребляется с иронией, коммуниканты осознают функционально-стилистическую маркированность данной номинации. В то же время сам факт знания и употребления в речи данного элемента свидетельствует о местном происхождении обеих собеседниц: каждая знает, что адресат поймет данное сообщение и воспримет юмористический посыл.

В сообщениях жителей Ижевска встречается характерное для местной устной речи употребление в начале предложения частицы *так*, которая в русских говорах Удмуртии, отличающихся сильной редукцией безударного гласного, и в аналогичном просторечном произношении г. Ижевска звучит как *дык* или *дк*:

Дык я об этом и говорю (Ж. 38 л.)

Дк правильно все так-то (М. 19 л.)

Показателем того, что автор текста проживает в определенном населенном пункте, является также использование им неофициальных искаженных урбанонимов, известных только местным жителям:

Только что весь талик эвакуировали (М. 18 л.)

Талик – ТЦ «Талисман» в г. Ижевске.

Сережа с детьми на молодежку едет... (Ж. 37 л.)

Молодёжка – улица Молодёжная в г. Ижевске.

А так в металлурге на пляжу (М. ок.30 л.)

Металлург – городок металлургов, неофициальное название одной из частей г. Ижевска.

В учебном пособии «Русская диалектология» А.Д. Черенкова обращает внимание читателей-студентов, будущих педагогов, на то, что диалектные черты произношения, в частности безударного вокализма, могут повлиять на особенности правописания учащихся [Черенкова 2014]. Основная масса русских говоров Удмуртии – окающие, что также может оказать влияние на написание слов с непроверяемой безударной гласной. В качестве подтверждения этой мысли, правда, с определенной долей условности, можно привести такой пример из сообщения молодого человека 18 лет, имеющего неоконченное среднее специальное образование, некоторое время проживавшего в сельской местности в Удмуртии:

...таких болбесов нет.

Отметим, что отсутствие диалектных черт и локализмов в речи, конечно, не может напрямую указывать на то, что пишущий является приезжим или родился и проживает в ином регионе: многие информанты избегают просторечных единиц как «непрестижных», «некультурных», старомодных. Но использование элементов, не характерных для языка данного региона, которым в местной речи соответствует иное обозначение, можно считать показателем того, что автор является приезжим или проживает в иной местности. Пример анализа такого случая (связанного с употреблением в разных регионах вариантов *шаурма* и *шаверма*) в тексте, представленном для лингвистической экспертизы, приведен в работе К.И. Бринева [Бринев 2005].

3. Речевые особенности информантов, демонстрирующие уровень образования и общей культуры.

В отношении текстов переписки в соцсетях и мессенджерах уровень реального владения автором письменной речью определить сложнее, поскольку, как уже отмечалось, данный вид коммуникации предполагает неформальное общение, в котором письмо сближается с устной речью.

Однако можно выделить некоторые речевые особенности, которые с большой вероятностью могут свидетельствовать об определенном уровне культуры автора.

Для авторов интернет-сообщений с низким уровнем культуры характерны:

- употребление без юмористической или эмоциональной интенции просторечных слов и выражений, которые люди с высоким культурным уровнем воспринимают как вульгарные:

Нам всем надо блблище;

- деминутивы, характерные для просторечия:

С вас денежки!

Мне пишет человечек Григорий;

- просторечные формы слов, которые являются ненормативными для русского языка:

А так в металлурге на пляжу;

В понедельник все скажу и по материалу и по денежке;

- ошибки в сочетании главного слова с зависимым, в частности, неуместное употребление предлога *по*:

Как делишки по бабкам?

Что-то слышно по нефтяникам?

- склонность к использованию речевых штампов, в том числе модных в интернет-среде общения (*всё норм, сорян, ржу не могу*).

Такие выражения характерны для школьников и студентов, имеющих недостаточный уровень образования и речевой культуры.

В сообщениях людей с высоким уровнем культуры можно отметить такие лексико-фразеологические явления, как тропы, архаизмы, употребляемые для создания комического эффекта, фразеологические обороты, цитаты:

Подобных рецептов в сети легион, там вообще вакханалия;

Как ваше здоровье, сударь?

Наверно, мне не комильфо на своей странице эту ссылку размещать.

Куда катится мир...

Выезжать можно до поры до времени, но ск верёвочке не виться...

Что касается грамматики, то в интернет-сообщениях образованных авторов с высокой речевой культурой можно отметить сложные предложения с разнообразной пунктуацией (в частности, с уместным использованием знаков «–» и «:»), деепричастные обороты, характерные для книжной речи:

Что характерно: такие посты обычно в виде необъятных простынь выкладывают. Балакина тоже от помета удержаться не может – растекается мыслью по древу

Отчаявшись, люди верят всему.

4. Речевые особенности информантов, обусловленные их профессией или родом занятий.

Как показал анализ текстов сообщений в соцсетях и мессенджерах, в этом жанре основным, наиболее явным показателем профессии также является использование профессиональной или профессионально-жаргонной лексики. Приведем несколько примеров:

Термоголовки или просто отсекайки (строитель);

...Помочь переврезать Пушкинскую (сантехник);

Такая глупая ситуация... из за которой я лишился увала (военнослужащий);

Из-за того что был кривой переходник был не чистый звук а ультра дисторшен (музыкант).

Также в интернет-переписке могут использоваться сокращения, которые употребляются в определенной профессиональной среде:

Гвлв лист везти после бетона. (строитель)

Гвлв – гипсоволокнистый лист влагостойкий.

...начисляем зп, налоги 15 платить будем? (бухгалтер)

Зп – заработная плата.

Стоит обратить внимание также на следующий факт: в подавляющем большинстве случаев даже те авторы сообщений, которые не имеют высокого уровня образования и обладают низким уровнем культуры речи, абсолютно грамотно пишут сложные специальные термины. Приведем в качестве примера типичное сообщение сантехника:

Компрессором да воздухом её так хоть сливать нече не надо

Некоторые сферы деятельности оказывают влияние не только на лексико-фразеологические и орфографические, но и на грамматические навыки людей, имеющих к ним отношение. Например, в нашем распоряжении оказались сообщения в социальных сетях, авторами которых являются отставной военный и солдат, проходящий срочную службу в армии. Помимо соответствующей лексики и фразеологии (*прапор, на гражданке, Здравия желаю!*), только в речи этих людей в качестве ответов на просьбы и достаточно развернутые сообщения близких людей (родственников и бывших одноклассников) были отмечены краткие стандартные ответы «по уставу»: *Так точно, Принято, Понял* и т. п.

Заметим, что речь филологов, помимо содержания специфических лексических элементов, обычно отличается всесторонней грамотностью, то есть высоким уровнем развития всех языковых навыков, что тоже можно считать отпечатком профессии. Хотя и в речи данной категории лиц встречаются ставшие уже традиционными «разговорные» сокращения – упрощенные написания слов, передающие их звучание при «неполном» произношении, характерном для устной разговорной речи: *щас, седня, че* и т. д.

5. Речевые особенности информантов, обусловленные возрастом.

Возрастная дифференциация языка является известным и достаточно хорошо изученным явлением.

На лексико-фразеологическом уровне возраст автора старшего поколения могут выдавать историзмы и архаизмы, использование прецедентных текстов, актуальных в прошлом, и т. д. (в нашем материале встретилось обозначение *Главнаб* в речи женщины 72 лет).

В сообщениях молодых людей используются слова, относящиеся к молодежному жаргону:

У меня на два дня чилл домашний (Ж., ок.20 л.);

Щас заряджу телефон прочекаю где ты (М., 15 л.).

Школьники употребляют школьный сленг:

Просто я неделю тройбаны таскал (М. 14 л.);

У тебя родаки надеюсь не присутствуют? (М. 15 л.)

Молодые люди чаще используют слова и выражения из особого «сетового» сленга: *Ору! Ржунимагу! Фигасе!* (М., 20 л.).

Что касается грамматических, орфографических и пунктуационных навыков, то по отношению к ним можно выделить общую тенденцию: старшее поколение, чьи языковые навыки формировались на примерах письменных текстов из художественной литературы, научной, деловой и отредактированной публицистической речи, по привычке стремится оформлять свою письменную речь грамотно как в плане правописания, так и в аспекте построения предложений. Молодое поколение, с детских лет общающееся в социальных сетях на том «устно-письменном языке», который формируется в этой сфере достаточно давно, относится к оформлению письменного электронного текста с большим пренебрежением.

В речи учеников средней школы к речевым недочетам, обусловленным невниманием, равнодушием к оформлению текста сообщения, добавляются ошибки, связанные с незнанием некоторых правил орфографии и пунктуации. Как показали наблюдения, сообщения людей разного возраста могут значительно различаться в стилистическом плане. Например, молодые люди наиболее активно употребляют в электронных сообщениях нецензурные слова, причем зачастую пишут их полностью. Люди более старшего возраста используют матерные слова реже, обычно сокращают и видоизменяют их: *хз, блеать, зае...л, збс* и т. п. Аналогичное

использование нецензурных выражений отмечено и в сообщениях детей среднего школьного возраста: по-видимому, они еще стесняются писать такие слова или боятся, что родители зайдут на их страницу в социальной сети и увидят эти тексты.

Для сообщений представителей старшего поколения в социальной сети «Одноклассники» характерно сохранение стилистики дружеских посланий: во многих случаях это развернутые тексты, начинающиеся с приветствия и обращения (*Здравствуй, дорогая Аллочка!*), далее может следовать информация о состоянии здоровья, о последних событиях в жизни автора, об общих знакомых и т.д., в завершении может использоваться концовка типа *Целую!*. Такие тексты, как правило, оформлены с максимальным соблюдением норм русского языка (в зависимости от коммуникативных компетенций каждого конкретного автора). Часто в связи с праздником люди старшего возраста отправляют друзьям стикеры с поздравлениями и пожеланиями. То есть такие авторы переносят на электронную переписку черты, характерные для бумажных писем, которыми они обменивались с друзьями до появления интернет-коммуникации. Такие тексты заметно контрастируют с обрывочными сообщениями, которыми «перебрасывается» в соцсетях молодежь.

В результате проведенного анализа было выявлено, что наиболее показательными в электронной межличностной переписке являются признаки лексико-фразеологических навыков автора. Различные частные признаки, касающиеся употребления того или иного разряда слов, широты словарного запаса, могут помочь определить место жительства, уровень образования, профессию, возраст и пол пишущего. Несколько иной в применении к текстам интернет-коммуникации представляется роль грамматических, орфографических и пунктуационных навыков: неформальный характер общения коммуникантов, диалогичность, общая сниженность стилистики общения часто ведут к ослаблению рефлексии автора в отношении к построению и оформлению текста, поэтому речевые нарушения не всегда являются показателем низкой речевой культуры пишущего. Кроме того, дробность текста, обусловленная его диалогичностью, эмоциональностью, стремлением ускорить передачу информации, затрудняет подсчет ошибок, учитывающий объем текста.

Стоит отметить, что различные характеристики автора, такие как возраст, уровень образования, профессия, пол необходимо изучать в совокупности, учитывая другие факторы, такие как жанр общения, тематика дискурса, адресат и т. п. Современная электронная коммуникация формирует новые способы и средства выражения и требует применения к ним несколько измененных лингвистических параметров, разработки новых методов исследования на стыке лингвистических и современных количественных методов, которые могут обеспечить компьютерные технологии.

Литература

- Бринева К. И. «Русский, решай...». Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. Барнаул, 2005. – С. 290-303.
- Верхожин С. С. К вопросу о лингвотеретических основах методик авторизации текста. Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. Чита, 2013. Вып. 2 (49). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-lingvoteoreticheskikh-osnovah-metodik-avtorizatsii-teksta>
- Вул С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы. Харьков, 2007.
- Горошко Е. И. Изучение электронного дискурса в судебном речеведении. 2004. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=44>
- Горошко Е. И. Современные интернет-коммуникации: структура и основные характеристики. М., 2012. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=232>
- Грановский Г. Л. Использование признаков письменной речи в криминалистической экспертизе. М., 1976.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. Я. Стилистика русского языка. М., 2012.
- Краса С. И. Методика и инструментарий атрибуции текста в автороведческой экспертизе. Тамбов 2013. URL: <http://www.gramota.net/materials/1/2013/10/30.html>
- Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования. Барнаул, 2001. URL: <http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/lebedeva.pdf>
- Прокуровская Н. А. Город в зеркале своего языка: На языковом материале г. Ижевска. Ижевск, 1996.
- Романов А. С., Мещеряков Р. В. Определение пола автора короткого электронного сообщения. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: сб. Междунар. конф. по компьютерной лингвистике "Диалог". 2011. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/55.pdf>
- Рыжкова Е. С. Проблемы автороведческой классификационной экспертизы текстов интернет-коммуникации. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. – С. 130-133.
- Туманова К. С. Алгоритм классификации текстов на русском языке по возрасту и гендерному признаку автора. СПб., 2011. URL: <http://se.math.spbu.ru/SE/diploma/2011/Tumanova%20Kristina%20-%20slides.pdf>
- Черенкова А. Д. Русская диалектология. Воронеж, 2014.

References

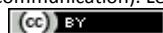
- Brinev, K. I. (2005). Russian, decide... [Russkij, reshaj...]. Invektivnoe i manipulyativnoe funkcionirovanie yazyka. Invective and manipulative functioning of a language. Legal Linguistics, 6, 290-303 (n Russian).
- Verhozin, S. S. (2013). To the question of linguistic-theoretical foundations of text authorization techniques [K voprosu o lingvoteoreticheskikh osnovah metodik avtorizatsii teksta]. Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie. – Scientific notes of the Transbaikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies. Chita, 2(49). Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-lingvoteoreticheskikh-osnovah-metodik-avtorizatsii-teksta> (in Russian).
- Vul, S. M. (2007). Forensic identification of experts: methodological foundations [Sudebno-avtorovedcheskaya identifikacionnaya ekspertiza: metodicheskie osnovy]. Har'kov (in Russian).
- Goroshko, E. I. (2004). The study of electronic discourse in forensic science [Izuchenie elektronnoho diskursa v sudebnom rechevedenii]. Available from: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=44> (in Russian).
- Goroshko, E. I. (2012). Modern Internet communications: structure and basic characteristics [Sovremennye internet-kommunikatsii: struktura i osnovnye harakteristiki]. Moscow. Available from: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=232> (in Russian).

- Granovskij, G. L. (1976). Use of signs of written speech in forensic examination [Ispol'zovanie priznakov pis'mennoj rechi v kriminalisticheskoy ekspertize]. Moscow (in Russian).
- Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., Salimovskij, V. Ya. (2012). Stylistics of the Russian language [Stilistika russkogo yazyka]. Moscow (in Russian).
- Krassa, S. I. (2013). Methodology and toolkit for text attribution in expert analysis [Metodika i instrumentarij atribucii teksta v avtorovedcheskoj ekspertize]. Tambov. Available from: <http://www.gramota.net/materials/1/2013/10/30.html> (in Russian).
- Lebedeva, N. B. (2001). Natural written Russian speech as an object of linguistic research [Yestestvennaya pis'mennaya russkaya rech' kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya]. Barnaul. Available from: <http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/lebedeva.pdf> (in Russian).
- Prokurovskaya, N. A. (1996). The city in the mirror of its own language: On the language material of Izhevsk [Gorod v zerkale svoyego yazyka: Na yazykovom materiale goroda Izhevsk]. Izhevsk (in Russian).
- Romanov, A. S. (2011). Meshcheryakov R. V. Sex determination of the author of a short electronic message [Opredeleniye pola avtora korotkogo elektronnoy soobshcheniya]. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: sb. Mezhdunar. konf. po komp'yuternoy lingvistike "Dialog" – Computational linguistics and intellectual technologies. Proceed. Int. Sc. Conf. on Computer Linguistics "Dialogue". Available from: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/55.pdf> (in Russian).
- Ryzhkova, Ye. S. (2015). Problems of the authoring classification examination of texts of Internet communication [Problemy avtorovedcheskoj klassifikatsionnoy ekspertizy tekstov internet-kommunikatsii]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Questions of theory and practice, 6(48), 1, 130-133 (in Russian).
- Tumanova, K. S. (2011). Algorithm for the classification of texts in Russian by age and gender of the author [Algoritm klassifikatsii tekstov na russkom yazyke po vozrastu i gendernomu priznaku avtora]. St. Petersburg. Available from: <http://se.math.spbu.ru/SE/diploma/2011/Tumanova%20Kristina%20-%20%20slides.pdf> (in Russian).
- Cherenkova, A. D. (2014). Russian dialectology [Russkaya dialektologiya]. Voronezh (in Russian).

Citation:

Жданова Е.А. Теоретические основы диагностических методик судебного автороведения (на материале письменной межличностной электронной коммуникации). // Юрислингвистика. – 2019. – 13. – С. 18-24.

Zhdanova, E.A. (2019). Theoretical framework of diagnostic techniques of legal authorship examination (on the material of written interpersonal electronic communication). Legal Linguistics, 13, 18-24.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 30.09.2019 г.

Дата публикации издания 01.10.2019 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2019